

УДК 80/81

ББК 81

**ОСОБЕННОСТИ
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ОБРАЗОВ
ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ НА
ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ В РОМАНЕ
ШАРЛЯ ДЕ КОСТЕРА «ТИЛЬ
УЛЕНШПИГЕЛЬ»**

**ВИЖАГИҲОИ БОЗОФАРИНИИ
ОБРАЗҲОИ ШАҲСИЯТҲОИ
ТАБРИХӢ БА ЗАБОНИ ТОҶИКӢ
ДАР РОМАНИ ШАРЛ ДЕ КОСТЕР
“ТИЛ УЛЕНШПИГЕЛ”**

**PECULIARITIES OF PERCEPTION IN
REGARD TO THE IMAGES OF
HISTORIC PERSONALITIES IN THE
NOVEL “TILL ULENSPIGEL” BY
CHARLES DE COSTER IN THE TAJIK
LANGUAGE**

Мурувватиён Джамила Джамол,
к. филол. наук, научный сотрудник отдела
современной литературы Института
языка и литературы им. Рудаки НАН
Республики Таджикистан (Таджикистан,
Душанбе)

Мурувватиён Цамила Чамол,
н.и.ф., корманди илмии шӯъбаи адабиёти
муосири Институти забон ва адабиёти ба
номи Рӯдакии Академияи миллии илмҳои
Ҷумҳурии Тоҷикистон (Тоҷикистон,
Душанбе)

Muruvvatiyon Djamila Djamol, candidate of
philological sciences, scientific officer of
modern literature department under the
Institute of language and literature named after
Rudaki attached to the National Academy of
Sciences of Tajikistan, (Tajikistan, Dushanbe)
E-MAIL: Alikaxan@mail.ru

Ключевые слова: роман, художественный перевод, творчество, оригинальный текст,
Шарль де Костер, Сотим Улугзода

Исследуются особенности перевода на таджикский язык портретной характеристики Филиппа II в романе Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель». На конкретном материале сделана попытка раскрыть способы воспроизведения образов этого романа на таджикский язык, рассмотрены вопросы мастерства переводчика, проведено сравнение образов Филиппа II с образом султана Махмуда Газневида из собственного романа Сотима Улугзода «Фирдоуси» (1988). Рассмотрены смысловые отличительные изменения, произошедшие в портретной характеристике героев романа, в частности короля Филиппа II, при его воспроизведении на таджикский язык. Проведен небольшой анализ образа Филиппа II в романе Ш. де Костера и его передачи на таджикский язык. Выявлен стиль описания в сравнении с образом султана Махмуда Газневида в романе Сотима Улугзода «Фирдоуси». Проведен сравнительный анализ творческих принципов показа исторических личностей, общих настрой, нравственное отношение к изображаемой действительности Шарля де Костера и Сотима Улугзода, живших в разное время. Изложена мысль о том, что художественный перевод дает возможность талантливому писателю-переводчику творчески воспринять художественное мастерство автора оригинального текста и качественно приумножить его. Детальный анализ особенностей перевода данного романа наглядно демонстрирует эволюцию переводческих принципов Сотима Улугзода.

Калидвожаҳо: роман, тарҷумаи адабӣ, эҷодиёт, матни асли, Шарл де Костер, Сотим Улуғзода

Вижагиҳои тарҷумаи тоҷикии тавсифи портрети Филиппи II дар романи Шарл де Костер "Тил Уленшпигел" баррасӣ шудааст. Дар асоси маводи мушаххас тарзҳои таҷдиди образҳои ин роман ба забони тоҷикӣ, масъалаҳои маҳорати тарҷумон ба риштаи таҳлил кашида шудааст, муқоисаи образҳои Филиппи II бо образи султон Маҳмуди Ғазнавӣ аз асари Сотим Улуғзода "Фирдавсӣ" (1988) сурат гирифтааст. Тағйироти маъноии фарқкунанда, ки дар тавсифи тимсоли қаҳрамонони роман ба мушоҳида расидаанд, аз ҷумла дар тавсифи шох Филиппи II ҳангоми таҷдиди он ба забони тоҷикӣ тадқиқ шудаанд. Таҳлили тавсифи Филиппи II дар романи Ш.де Костер ва интиқоли он ба забони тоҷикӣ сурат гирифтааст. Сабки тавсиф дар муқоиса бо образи султон Маҳмуди Ғазнавӣ дар романи Сотим Улуғзода "Фирдавсӣ" ошкор карда шудааст. Таҳлили муқоисавии принципҳои эҷодии тавсифи шахсиятҳои таърихӣ, рӯҳияи умумӣ, муносибати ахлоқӣ ба воқеияти мавриди тавсифи Шарл де Костер ва Сотим Улуғзода, ки дар давраҳои мухталиф ҳаёт ба сар бурдаанд, ба субут расидааст. Таъкид гардидааст, ки тарҷумаи бадеӣ ба нависанда -тарҷумони боистеъдод имкон медиҳад маҳорати адабии муаллифи матни аслиро идрок қунад ва сифатан афзоиши диҳад. Таҳлили муфассали вижагиҳои тарҷумаи романи мавриди тадқиқ аз таҳаввули принципҳои тарҷумони Сотим Улуғзода шаҳодат медиҳад.

Key words: novel, belles-letters translation, creation, original text, Charles de Coster, Sotim Ulugzoda

The article is devoted to the study of the peculiarities of the translation into the Tajik language of the portrait characteristics of the image of Philip II in the novel by Charles de Coster "Till Ulenspiegel". Proceeding from this material, the author of the article makes an endeavour to reveal the ways of reproducing the images of this novel into the Tajik language and the issues of translator's skill, he compares the images of Philip II with that one of Sultan Mahmud Ghaznavid from Sotim Ulugzoda's own novel "Firdawsī" (1988). Distinctive semantic changes that occurred in the description of the portrait characteristics of the heroes of the novel, in particular, King Philip II, when reproduced in the Tajik language, are considered. A cursory analysis is carried out between the description of the image of Philip II and that one transferred into the Tajik variant. The style of description in comparison with the image of Sultan Mahmud Ghaznavid in the novel "Firdawsī" by Sotim Ulugzoda is elicited. A comparative analysis of the creative principles of describing historic figures, general atmosphere, moral attitude to the depicted reality of Charles de Coster and Sotim Ulugzoda, who lived in different times, is carried out. Comprehending the creative laboratory of Charles de Coster, S. Ulugzoda the author of the article expounds the idea that literary translation enables a talented writer-translator to creatively perceive the artistic skills of the author of the original text and to increase them qualitatively. Detailed analysis of the peculiarities of the translation of this novel clearly demonstrates the evolution of the translation principles of Sotim Ulugzoda.

Переводы произведений с русского языка на таджикский имеют вековую историю, однако положительный опыт таджикских переводчиков до сих пор не обобщен. Между тем серьезный подход к этому вопросу позволит выявить феноменальность многих творческих личностей, занимавшихся и занимающихся не только созданием художественных произведений, но и художественным переводом. Такой подход более объемно и объективно представит эволюцию художественной культуры XX века в

Таджикистане, значительно активизирует критическую мысль, акцентирует внимание литературной общественности на трудах переводчиков, откроет неизведанные глубины их внутреннего мира, мировоззрения, даст ответ на многие вопросы, способствующие решению актуальных проблем таджикской литературы.

Бесспорно, есть необходимость в научном осмыслении и обобщении огромного практического опыта, накопленного в таджикской литературе в сфере перевода на протяжении целого века. Исследование отдельных вопросов, связанных с развитием процесса перевода художественной прозы в таджикской литературе, в свою очередь, позволит четче обозначить проблемы теории и практики перевода на современном этапе, как в литературоведческом аспекте, так и в общепилологическом, что даст возможность признать таджикское переводоведение как установившуюся научную дисциплину, достигшую определенных положительных результатов. Огромное влияние на развитие и совершенствование техники перевода не только в собственно филологическом, но и в философско-эстетическом плане оказал Сотим Улугзода. Им успешно переведены произведения мировой классики: роман Э.Л. Войнич «Овод» (1931; новый перевод-1982); повесть Билль - Белоцерковского «Жизнь зовет» (1953), роман Братьев Тур «Очная ставка» (1937), драма Н. Погодина «Человек с ружьем» (1940), комедия К. Гольдони «Слуга двух господ» (1944), комедия А.С. Островского «Без вины виноватые» (1945), роман «Мать» (1948) и пьеса «Егор Булычев и другие» М. Горького (1953), трагедия У. Шекспира «Гамлет» (1970), комедия Мольера «Лекарь поневоле» (1972), романы «Дон Кихот» Сервантеса (1974), «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера (1976), драма «Борис Годунов» (1939) А. Пушкина, десятки рассказов А. Чехова, М. Горького, других писателей Европы, отмеченные печатью мастерства, великолепием воссоздания оригинала, высокой культурой исполнения. Изучение переводческого наследия С. Улугзода расширит наши представления о процессах, происходивших в таджикской и русской литературе, о взаимодействии национальных культур. Обращение автора к роману и драме объясняется тем, что в становлении и развитии современной таджикской литературы и культуры роман и драма сыграли особую роль и остаются в числе ведущих литературных жанров. В таджикском литературоведении до сих пор нет работ, специально посвященных изучению переводческих принципов и практики Сотима Улугзода. Нет также и трудов, где были бы рассмотрены частные вопросы переводов С. Улугзода, дана оценка его переводам с точки зрения современных требований к художественному переводу. Круг профессиональной деятельности и интересов члена-корреспондента АН Таджикской ССР с 1951 года Сотима Улугзода довольно обширен: он был переводчиком, критиком, литературоведом, драматургом, писателем. Многие аспекты его литературного наследия, состоящего из рассказов, пьес, романов, уже изучены литературоведами, учеными в весомых монографиях, диссертационных исследованиях, но его имя как переводчика лишь упоминалось время от времени в газетных и журнальных статьях, заметках, кратких биографических очерках. Среди биографов С. Улугзода – М. Шукуров [13], И.С. Брагинский [2], Л. Демидчик [3], А. Сайфуллоев [9], А. Набави [6], Х. Шарифов [12], К. Юсуфов [15], Х. Отахонова [7], М. Раджабов [8], Ш. Солехов [10], С. Бакоева [1], Э. Сироджиддин [14].

Объектом исследования данной статьи являются фрагменты портретной характеристики короля Филиппа II в романе Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель» и особенности их перевода на таджикский язык. На конкретном материале мы попытаемся

раскрыть способы воспроизведения образов этого романа в переводе Сотима Улугзода на таджикский язык, вопросы о мастерстве переводчика, произвести сравнение образов Филиппа II с образом султана Махмуда Газневида из собственного романа Сотима Улугзода «Фирдоуси» (1988).

В переводе неповторимых портретов из романа Ш. де Костера С. Улугзода проявил себя как опытный художник – портретист, качественный перевод которого в полной мере подчеркнул уникальность каждого героя. Однако нам важно понять, какие отличительные смысловые изменения произошли в портретной характеристике героев романа, в частности короля Филиппа II, при их воспроизведении на таджикский язык. Параллельно мы проведем небольшой анализ образа Филиппа II в романе и его передачи на таджикский язык, а также сравним стиль описания с образом султана Махмуда Газневида в романе Сотима Улугзода «Фирдоуси».

С применением сравнительно-типологического анализа двух известных исторических личностей - Филиппа II и султана Махмуда Газневида - мы выявим многогранность Сотима Улугзода как художника, в творчестве которого успешно синтезированы богатые традиции художественного описания таджикской классической литературы и средства изображения другой культуры, наиболее выразительные формы изображения в мировой классической литературе. Наш интерес к характеру этих двух исторических личностей и к проблеме воссоздания в переводе неслучаен - в научных исследованиях нередко высказывалось мнение о том, что на творчество Сотима Улугзода заметное влияние оказали переводы произведений западноевропейских писателей.

Шарля де Костера и Сотима Улугзода, живших в разные времена, объединяют: творческий принцип описания исторических личностей, общий настрой, нравственное отношение к изображаемой действительности. Иными словами, перевод дает возможность талантливому писателю-переводчику творчески воспринять художественное мастерство автора оригинального текста и качественно приумножить его. Долгие годы упорного изучения творчества русских, испанских, французских и английских драматургов и романистов не прошли бесследно для высокообразованного, талантливого художника Сотима Улугзода. В их произведениях писателя волновали гуманистические идеи, человеколюбие, революционный дух романтиков, широта художественного освоения действительности. В Костере его привлек патриотизм и нравственная близость. Создавая образ Филиппа II, «чье появление на свет сопровождалось зловещими предзнаменованиями для Фландрии», Костер в ярких красках, с использованием всех средств художественной образительности показал немощность короля, который не может совладать даже с собственным телом, о чем свидетельствует достаточно объемный пример:

Перевод Н. Любимова:

«В землю был вбит столб, а к столбу подвешена маленькая славненькая мартышка, присланная его высочеству в подарок из Индии, с тем чтобы она своими резвостями его забавляла. Внизу еще дымились непрогоревшие дрова, в чулане стоял мерзкий запах палёной шерсти.

Зверек так мучился, издыхая на огне, что при взгляде на его маленькое тельце казалось, будто это не тельце существа, в котором только что билась жизнь, но какой-то кривой, узловатый корень. Рот, широко раскрытый точно в предсмертном крике, был полон кровавой пены, мордочка мокра от слез.

- Кто это сделал? – спросил император.

У воспитателя язык прилип к гортани. Оба молчали, сумрачные и возмущенные. Внезапно в заднем темном углу кто-то как будто кашлянул. Его величество оглянулся и увидел инфанта Филиппа – тот, весь в черном, сосал лимон.

- Дон Фелипе, - сказал император, - подойди и поздоровайся со мной.

Инфант, не шевелясь, смотрел на него испуганным и недобрый взглядом.

- Это ты сжег обезьянку? – спросил император.

Инфант потупился.

-Если ты способен на такое зверство, то имей, по крайней мере, мужество в этом признаться, - молвил император.

Инфант не проронил ни слова. Император выхватил у инфанта лимон и, зашвырнув, бросился на сына с кулаками, сын от страха обмочился, но архиепископ остановил императора и сказал ему на ухо:

- Его высочество в один прекрасный день станет великим сожигателем еретиков.

Император усмехнулся, и они вышли, оставив инфанта один на один с обезьянкой. Но далеко не одни обезьяны умирали тогда на кострах» [4, 37].

Перевод С. Улугзода:

«Дар он чо сутуне диданд, ки дар замини майдон нишонда шуда буду маймунбачае бар он овехта. Маймунбачаро аз Хиндустон барои волохазрати шоҳзода тухфа фиристода буданд, то ки бо ишваҳои худ дили ўро хуш кунад. Дар зери сутун ахгари оташ ханӯз сурх ва буи бади мӯи сӯхта ба долон печида буд.

Чонвар сӯхта бо азоб чон меканд, чисми хурдтараки вай ба махлуки зинда монандӣ надошт, балки пораи чарми тобхӯрдаву қазиргашта ва куббаҳо баровардаро ба хотир меовард.

Даҳонаш гуё бо охири фаръеди чонкани калон кушода ва пур аз кафки хунин буд, ба фукаш қатраҳои калон-калони ашк мешориданд.

- Ин кори кист? – пурсид император.

Мурабби ба ҷавоб додан чуръат накард, дуяшон дар ҳолати хомӯши хирарую газабнок меистоданд.

Баногоҳ дар он хомӯши аз пушти сари дуяшон, аз гӯшаи торик овози сулфамонанде шунида шуд. Император нигоҳ кард шоҳзодаро дид.

Падараш гуфт:

- Дон Филипп, наздик биё ва бо ман салом кун.

Шоҳзода калимае бар забон наронд.

- Модоме ту чандон бераҳм будай, ки ин корро кардӣ, пас чандон далер ҳам бош, ки икром шави, - гуфт император.

Шоҳзода калимае бар забон наронд.

Он гоҳ император аз дасти писараш лимуро рабуда ба замин партофт ва Филипро задани шуд. Архиепископ аълохазратро боздошта, оҳиста гӯшаки кард:

- Валохазрат бо сӯзонидани бидъаткорон ном хоҳад баровард.

Император табассум кард, баъд дуяшон шоҳзодаро бо маймунаш гузошта рафтанд.

Дертар махлуқҳои дигар ҳам, локин на маймунҳо, дар оташ сӯзонидани шуданд» [5, 42].

Как показывает сравнение двух текстов – оригинального с переводом- Сотим Улугзода опустил не только слова, которые, по его мнению, являлись семантически избыточными с точки зрения смыслового содержания. Таким путем он сократил общий объем текста, хотя, как нам думается, это было излишне, так как именно словами: «у **воспитателя язык**

прилип к гортани», «инфант, не шевелясь, смотрел на него испуганным и недобрым взглядом», «сын от страха обмочился», Костер старательно помещает образ Филиппа в ситуации, которые говорят о его физической немощи, что делает его пленником собственной злости, о чем сообщает предложение: «Инфант, не шевелясь, смотрел на него испуганным и недобрым взглядом», «бросился на сына с кулаками, сын от страха обмочился», отсутствующее в тексте перевода на таджикский язык. Костер преднамеренно показывает беспощадную и холодную одержимую личность. Не случайно автор оригинального текста использует слова «один на один» в предложении «Император усмехнулся, и они вышли, оставив инфанта один на один с обезьянкой», чтобы таким образом, кроме уже названных негативных качеств Филиппа II, показать и жестокость императора Карла V, его одержимость идеей сделать сына достойным самого себя. Однако в компрессии Улугзода мы видим попытку игнорировать в процессе перевода некоторые семантически избыточные слова, которые, на его взгляд, не несут важной смысловой нагрузки, и комплексно восстановить в переводе их значение, как, например:

Перевод Н. Любимова:

«У воспитателя язык прилип к гортани. Оба молчали, сумрачные и возмущенные».

Перевод С. Улугзода:

«Мурабби ба чавоб додан чурят накард, дуяшон дар холати хомуши хирарую газабнок меистоданд».

Описание «язык отнялся» играет стилистическую роль эмоционального усилителя, имеющего соответствующий перевод: «забонаш лолу карахт шуд», однако Улугзода описал этот момент как «чурят накард», т.е. «не осмелился». В любом случае перевод Сотима Улугзода представляет характер Филиппа II в мрачных тонах, как того требует оригинальный текст.

Для того, чтобы понять стиль Улугзода в описании портретных характеристик, мы привели в пример образ султана Махмуда Газневида из его собственного романа «Фирдоуси»:

«Фаррухӣ шоҳро ба куштани ҳазорон мардуми Рай даъват мекунад. Дар бораи ӯ нақл мекарданд ва Фирдавсӣ шунида буд, ки дар яке аз рӯзҳо Муҳаммад писари султон дар шикор саҳроро аз хуни охувон сурх карда ва Фаррухӣ аз дидани чашми зори охуе, ки дар тапиши чонкани будааст, ба ёди чашми сиёҳи ёраш афтада чандон гиристааст ки Муҳаммад ба вай раҳмаш омада барояш чанд охуи зинда фиристода будааст. Наход ин ҳамон шоири нозуктаъбаъи раҳмдил бошад?!». [11, 213]

Дословно данный текст можно перевести таким образом:

«Фаррухи призывает шаха к уничтожению тысяч людей Рея. И это тот, кто, судя по рассказам, дошедшим до Фирдоуси, проливал горькие слезы, увидев черные глаза олененка, павшего от стрел султанского сына – Мухаммада, залившего на охоте оленьей кровью все поле. Разжалобившись от слез Фаррухи, Мухаммад отправил ему в подарок несколько живых оленей. И неужели это тот самый утонченный, чувствительный поэт?!». (Подстрочный перевод наш. – М.Дж.)

В тексте нет прямого описания портрета султана Махмуда Газневида, но первое предложение «Фаррухи призывает шаха к уничтожению тысяч людей Рея» красочно повествует об одной из пагубных сторон характера султана – тяге к войне.

Приемы описания в этих двух похожих эпизодах, где показаны самодурство и жестокость, аналогичны в использовании художественных методов.

Сравним их. В романе «Тиль Уленшпигель» возмущение повествователя видом мучений зверька, издыхающего на огне, от того, что **«рот, широко раскрытый точно в предсмертном крике, был полон кровавой пены, мордочка мокра от слез»**, выражается в повышенной эмоциональности (**«Император выхватил у инфанта лимон и, зашвырнув, бросился на сына с кулаками»**), яркости и обилии деталей (**«маленькое тельце»**, **«билась жизнь»**, **«в предсмертном крике»**, **«полон кровавой пены»**, **«сын от страха обмочился»**). Возмущение, ярость, негодование повествователя чувствуются в грустно-язвительном тоне (**«Император усмехнулся, и они вышли, оставив инфанта один на один с обезьянкой»**; **«Но далеко не одни обезьяны умирали тогда на кострах»**). В романе Сотима Улугзода неторопливый тон (отсылка к историческому факту: **«И это тот, кто, судя по рассказам, дошедшим до Фирдоуси»**), лирический подтекст (**яркие эпитеты: «проливал горькие слезы, увидев черные глаза олененка, навиего от стрел султанского сына»**) формирует образ автора - человека, наделенного даром сочувствия, возмущенного тем, что поэт призывает шаха к уничтожению тысяч людей Рея. Тема жестокости, душевной черствости, двуличия (**«И неужели это тот самый утонченный, чувствительный поэт?!»**) и приемы их описания выражают не только своеобразие повествовательной манеры Шарля де Костера и Сотима Улугзода, но и схожесть двух творческих индивидуальностей.

Итоги сравнительного анализа показывают, что художественная специфика переводов Сотима Улугзода обусловлена особенностями поэтики и стиля его как писателя, и анализ этих переводов представляется весьма актуальным для современной теории и практики художественного перевода. Фактически перевод для Улугзода-писателя предназначен для овладения им как переводчиком приемами художественного опыта классиков мировой литературы, что представляет собой особое явление в истории художественного перевода в таджикской литературе. Судя по анализу, влияние произведений западноевропейских писателей чаще ощущается на духовно-эстетическом уровне.

Пример самодурства из романа «Тиль Уленшпигель»:

Перевод Н. Любимова:

«Выискав переход потемнее, он садился, вытягивал ноги и так сидел часами. Если кто-нибудь из слуг нечаянно наступал ему на ногу, он приказывал высечь его и с наслаждением слушал, как тот кричит, но смеяться никогда не смеялся.

На другой день он устраивал ту же ловушку в каком-нибудь другом темном переходе – садился и вытягивал ноги. Дамы, вельможи и пажи, проходя или пробегая мимо, натыкались на него, падали и ушибались. Ему это доставляло удовольствие, но смеяться он никогда не смеялся». [4, 32]

Перевод С. Улугзода:

«Вай дар қаср доим гузаргоҳҳои торикро мечуст ва дар он чоҳо худро ба кунҷе гирифта пояшро дароз карда менишаст. Соатҳо поида менишаст, то хизматгоре гузараду ноҳост ба пои ӯ пешпо хӯрда ғалтад. Хизматгорро ба гуноҳи ғалтиданаш тозиёна мезаданд, шохзода аз зарби тозиёна дод гуфтани ӯро шунида шодӣ мекард. Аммо ҳеҷ гоҳ намехандид.

Рӯзи дигар вай дар гузаргоҳи дигаре пояшро дароз карда, ҳамин навъ дом ниҳода менишаст. Бонувон, дарбориён, пешхизматоне, ки аз назди вай бо шитобу чадал мегузаштанд, ба пояш дармонда мегалтиданд, лат мехӯрданд.

Бо ҳамин вай дилашро хуш мекард, локин намехандид». [5, 35]

Описание самодурства в романе «Фирдоуси»:

«Шоҳ Маҳмуд ӯро ранчонд, саҳт ранчонд, он ситамгари аз одамияту мурувват беҳабар мехоҳад ӯро ба пой фил андозад, аммо шоир дар ҳаққи ӯ чизе хоҳад гуфт, ки ҳаргиз ҳеҷ шоире дар ҳаққи ҳеҷ подшоҳе нагуфтааст. Гуфтаи ӯ то абад ҳамчу санади бадномии шоҳ хоҳад монд, зеро

Ки шоир чу ранчад бигӯяд ҳичо,
Бимонад ҳичо то қиёмат бачо». [11, 242]

«Шах Махмуд обидел его, сильно обидел, этот тиран, лишенный человечности и благородства, желает бросить его под ноги слона, но поэт скажет о нем такое, что ни один поэт еще не сказал ни об одном падишахе. Его слова останутся в истории как худшая характеристика шаха:

Если рассердится поэт, то напишет сатиру,
И сохранится эта сатира до Страшного суда»
(Подстрочный перевод наш. – М.Дж.)

Кажущееся влияние является лишь поверхностным – это не заимствование на уровне сплетенных элементов, образов, идей – их и в таджикском народном творчестве предостаточно, главное влияние заключается в поэтике изложения.

В романе «Фирдоуси» автор правдиво изобразил типическую действительность периода правления султана Махмуда Газневида, полную тревог и драматических событий, исследование которых указывает на их творческое сходство с некоторыми костеровскими приемами. Данное утверждение говорит о том, что Сотим Улугзода действительно выбирал для перевода произведения авторов, которые были близки ему по духу, мастерству, самобытности, по разработке сюжета. Разработка характеров героев филологического романа «Фирдоуси» высвечивает высшую степень самостоятельности автора, которая, собственно, и определяет его самобытность. Творческое родство С. Улугзода и Ш. де Костера можно наблюдать и в конкретных стилистических особенностях при описании действия или образа.

Образ Филиппа II, короля Испании, Сотим Улугзода показал как образ знаковой фигуры, выражающей ключевые противоречия своего времени. Он весьма успешно сохранил дух Испании XVI века, верно показав личностные качества монарха, его негативный облик в правлении страной. Писатель смог найти приемы композиционного построения в раскрытии сюжета, которые сочетают в себе традиции древних сказов и легенд с оригинальными находками современной мировой литературы.

Данный перевод не только отвечает принципам современной теории перевода, но и полностью передает содержание оригинального произведения, индивидуальный стиль и позицию автора. Анализ текстов показал, что в своей работе Сотим Улугзода опирался на потенциальные возможности таджикского языка и всячески стремился расширить эти возможности, пополнить его богатство. По качеству перевода выявляется его стремление избавиться от выцветших, потерявших свежесть слов и выражений, внести в переводческое дело новые творческие приемы. Говоря об особенностях его перевода, следует заметить, что он интересен смелым обращением переводчика с художественным текстом в процессе перевода, новыми яркими оборотами, наполненными свежестью звучания и емкостью смыслового содержания. Деятельность Сотима Улугзода в сфере художественного перевода составляет отдельную творческую лабораторию, где была создана его собственная литературная школа.

Список использованной литературы:

1. Бакоева, С.А. Концепция историзма в творчестве Сотима Улугзода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Бакоева Сайрам Абдусатторовна; [Место защиты: Ин-т яз. и лит. им. Рудаки. НАН Респ. Таджикистан]. - Душанбе, 2010. - 26 с.
2. Брагинский, И. С. Исследования по таджикской культуре [Текст]: (К проблеме межлитературных связей народов Сов. Востока) / И.С. Брагинский; АН Тадж. ССР. - М.: Наука, 1977. - 288 с.
3. Демидчик, Л.Н. Сотим Улугзода// Эълози сухан /Л.Н. Демидчик – Душанбе: Адиб, 1992. — 165 с.
4. Костер, Шарль де. Легенда об Уленипигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достолавных деяниях во Фландрии и других краях / Пер.с фр. Н. Любимова: Вступ.ст. Л. Андреева. – М.: Худож.лит., 1988. – 398 с.
5. Костер Шарль де. Достони Уленипигель ва Ламме Гудзак ва саргузашти ачоибӣ диловаронаи пуришону шарафи онҳо дар Фландрия ва мамлақати дигар. /Тарҷ. С. Улугзода. – Душанбе: Ирфон, 1975. - 395 с.
6. Набави, А. Тасвири олами ботинии инсон, нависанда ва замон: маҷмӯаи мақолаҳо / А. Набиев. – Душанбе: Ирфон, 1987. — 160 с.
7. Отахонова, Х. Некрасов дар забони тоҷики. -. Дар кит.: Паёми бародарӣ. - Душанбе: Дониш, 1972. - с. 78-84.
8. Раҷаби, М. Сотим Улугзода абармарди набард ва андеша/М. Раҷабӣ. – Душанбе: Девашиш, 2004. – 172 с.
9. Сайфуллоев, А. Проблемы взаимодействия литератур \ А. Сайфуллоев. – Душанбе: Ирфон, 1976. — 138 с.
10. Солехов, Ш. Адабиёт ва шинохти он: Маҷмӯаи мақолаҳо / Ш. Солехов. – Душанбе: Ирфон, 2009. — 345с.
11. Улугзода, С. Фирдавси: Роман. – Душанбе: Адиб, 1988. - 272 с.
12. Шарифов, Х. Достони Фирдавсии шоир //Дар китоби Худой Шарифов. Озурдагон ва умедворон: Душанбе: Сино, 2001. - с. 136-150.
13. Шукуров, М. Опыт русского реализма и таджикская реалистическая проза. В кн.: Истоки, формирование и развитие социалистического реализма в литературах Советского Востока. – Ташкент: Фан, 1976. - С.153—157.
14. Эмомалӣ, С. Таҷассуми бадеии таърих дар наври Сотим Улугзода (солҳои 60-80-уми асри XX) [Текст]: автореф. дис. д-ра филол. наук / С. Эмомали. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2018. - 11 с.
15. Юсуфов, К. Сотим Улугзода ва повести тарҷумаиҳолии ӯ «Субҳи ҷавони мо» /К. Юсуфов. – Душанбе: Дониш, 1968. – 127 с

Reference Literature:

1. Bakoyeva S.A. Conception of Historism in the Creation of Sotim Ulugzoda. Synopsis of candidate dissertation in philology: 10.01.03 // Bakoyeva Sayram Abdusattorovna. – Dushanbe. 2010. – 26 pp.
2. Braghinsky I. S. Researches on Tajik Culture (To the Issue of Interliterary Ties between the Soviet Orient Peoples) // I.S. Braghinsky; Tajik SSR Academy of Sciences. – Moscow: Science, 1977. – 288 pp.
3. Demidchik L. N. Sotim Ulugzod // L. N. Demidchik. – Dushanbe: Man-of-Letters, 1992. – 165 pp.

4. Coster, Charles de. *The Legend about Ulenspiegel and Lamme Gudzak, their Valiant, Amusing and Remarkable Deeds in Flanders and other Lands // Translation from French by N. Lyubimov. Introductory article by L. Andreev. – M.: Belles-Letters., 1988. – 398 pp.*
5. Coster, Charles de. *The Legend about Ulenspiegel and Lamme Gudzak and their Wonderful Adventures Covered with Glory and Honour. Translated by S. Ulugzoda. – Dushanbe: Cognition, 1975. – 395 pp.*
6. Nabiyev A. *Portrayal of Man's Inner World: Writer and his Time: Collection of Articles. A. Nabiyev. – Dushanbe: Cognition, 1987. – 160 pp.*
7. Otahonova H. *Nekrasov in the Tajik Language. – In the Book: Fraternal Message. – Dushanbe: Knowledge, 1972. – pp. 78-84.*
8. Radjabi, M. *Sotim Ulugzoda as an Outstanding Personality of Thought // M. Radjabi – Dushanbe: Devashtich, 2004. – 172 pp.*
9. Sayfulloyev A. *The Problems of Interaction between Literatures // A. Sayfulloyev. – Dushanbe: Cognition, 1976. – 138 pp.*
10. Solekhov Sh. *Literature and the Knowledge of it. Collection of Articles // Sh. Solekhov. – Dushanbe: Cognition, 2009. – 345 pp.*
11. Ulugzoda S. *Firdawsi: Novel. – Dushanbe: Man-of-Letters, 1988. – 272 pp.*
12. Sharifov H. *The Legend about the Poet Firdawsi // In the book: Hudoy Sharifov. The Harassed, but not Losing Hope. – Dushanbe: Sino, 2001. – pp. 136 – 150.*
13. Shukurov M. *The Experience of Russian Realism and Tajik Realistic Prose. – In the book: Sources, Formation and Evolution of Socialist Realism in the Literatures of the Soviet Orient. – Tashkent: Science, 1976. – pp. 153-157*
14. Emomali, S. *Artistic Objectifying of History in Sotim Ulugzoda's Prose (the 60-th - the 80-th of the XX-th Century): Synopsis of Doctoral dissertation in philology // S. Emomali. – Dushanbe: Tajik National University, 2018. – 11 pp.*
15. Yusufov K. *Sotim Ulugzoda and his artistically Translated Narrative " The Dawn of our Youth" // K. Yusufov. – Dushanbe: Knowledge, 1968. – 127 pp.*